

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ОСЕТИНСКОЙ ПОВЕСТИ 70-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Р. Я. ФИДАРОВА

В новом уровне художественного исследования сопряженности частного и общего проявляется новое качество реализма в осетинской повести столь сложной эпохи, какой явились 70-е годы прошлого века. Через углубленный взгляд во внутренний мир личности, сформированной в конкретном пространственно-временном измерении, т.е. в горском национальном мире определенной исторической эпохи, художественное сознание создает целостное восприятие действительности, проявляя свое особенное понимание сложности и многогранности жизни, ее противоречивого характера. В 70-е годы литература имеет дело с иным, необычным для себя, жизненным материалом, — новым человеком с закономерно изменившимися человеческими отношениями, с новыми требованиями к жизни, с совершенно иным, чем прежде, восприятием ее героем. Изменилась сама духовная сущность человека, что отразилось на характере отношения человека к себе и миру, на осмыслении им своего человеческого предназначения на земле, в более глубоком понимании им действительности.

Герой повести Н. Джусойты «Возвращение Урузмага» старик Урузмаг —

наш современник. Он смертельно болен и случайно узнает о своей обреченности. Как на этом «изломе» меняется его характер, каково его нравственное наполнение — предмет художественного исследования писателя.

Находясь в больнице, старик много думает о жизни вообще и о своей в частности. Н. Джусойты раскрывает глубину нравственных исканий человека, оказавшегося на пороге смерти, перед чертой, отделяющей бытие от небытия. Жестокая ситуация крайне обнажает нравственные потенции героя, обостряет его понимание смысла жизни. В нравственных исканиях Урузмага писателя прежде всего интересуют сложные связи народа и личности. Именно через осмысление этих связей герой особенно полно проявляет свою духовную причастность к миру людей.

Нет человека вне социальных и духовных связей с народом, — приходит к очень важному выводу художник. Такова вообще правда о человеке, которую пристально и внимательно исследует осетинская повесть.

Отношение человека к жизни стало гораздо сложнее и многозначнее, чем было прежде. Он в полной мере постиг свое время. Соответственно, измени-

лись и его понятия добра и зла, любви и ненависти. Углубление понимания смысла жизни проявилось в раздумьях о бытии, о месте человека в обществе. Герой повести глубоко и основательно задумывается о том, каковы его связи с миром, с человечеством вообще и со своим народом, со своей эпохой. Что он есть сам по себе как частичка огромного целого — человечества. Наряду со все более углубляющимся проникновением героя в жизнь, к нему, соответственно, приходит и пристальный интерес к самому себе.

Логика поведения, мышления, стремлений героя становится особенно понятной при учете особенностей социальных связей и отношений, в центре которых он существует. Между героем и действительностью складываются исторически определенные отношения, на основе которых формируется и развивается мир его социальных эмоций.

Задумавшись о жизни, больной Урузмаг приходит к очень важному для него выводу: он осознает, что смысл человеческого бытия, может быть, единственно в том, чтобы суметь стать опорой людям. Сначала старика мучает то, что на земле немного охотников делить с человеком его беды, тяжесть нелегкой жизненной ноши, часто обрушивающейся внезапно на его хрупкие плечи. А если так, размышляет дальше Урузмаг, то каждый из нас, живущих на земле, должен найти в себе силы не только самому не пасть перед собственной бедой, но и другим в их беде помочь. И на всю оставшуюся жизнь этот принцип становится его жизненной установкой.

Такая позиция ставит Урузмага в один типологический ряд со многими героями советской многонациональной прозы, активно исследующей на этапе

70-х годов меру и глубину социальной и гражданской зрелости человека, анализирующей степень способности личности ответить на требования времени. В сущности эти искания и составляют основу художественно-философской концепции советской многонациональной прозы. Способность понять другого, увидеть в нем себя, научиться жить с ним, его тревогами и радостями, — величайшая человеческая и жизненная загадка, «ключ» к разгадке которой как раз идее человеческой кругосвязи, утверждаемой Н. Думбадзе в «Законе вечности» (1978). «Душа человека, — говорит его герой, Бачана Рамишвили, — во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить душу друг другу: вы — мою, я — другого, другой — третьего, и так далее до бесконечности» [1,73].

Роднит Урузмага с другими героями советской прозы и осознанное, почти до физической боли, желание быть не просто песчинкой, несомой бурным потоком истории, а способным к активным формам нравственного самоутверждения в жизни; уметь соотносить свои собственные интересы с интересами других людей, то есть сделать в какой-то мере обстоятельство своей нелегкой жизни человеческими, и таким образом соотносить себя как личность, как частичку целого с жизнедеятельностью всего человечества. Отсюда и значительно возросшее понимание ответственности человека за судьбы мира, в общем-то неизмеримо обогатившее личность, расширившее ее внутреннюю масштабность, горизонты ее нравственного и духовного бытия.

Герой романа О. Гончара «Твоя зоря» (1980) летчик-дипломат Кирилл

Заболотный, человек нелегкой судьбы, много размышляет о непреходящих моральных ценностях. Человек по сути своей — сила созидательная, призванная творить и обогащать красоту мира, уверен герой. Как бы в поддержку жизненной достоверности своих мыслей он вспоминает простого человека Романа-степняка, распахнувшего перед людьми щедроты своей человечности. Один из второстепенных персонажей произведения Роман-степняк в художественно-философской концепции писателя играет важную роль: благодаря этому герою, проповедующему и утверждающему добро как нормальное, изначально человеческое качество, О. Гончар приближается к глубинному постижению сложности мира, к тем истокам гармонии и красоты, этики и эстетики, которые так настойчиво и беспокойно ищет человек в 70-х гг. XX в. Человеческой натуре от природы свойственно глубокое стремление к творческому созиданию, к «слиянию» с природой, к согласию с собственной совестью. И, пожалуй, это самое поразительное открытие героев советской многонациональной прозы. Как и для Дато Туташиа из одноименного романа И. Амирэджиби, для Кирилла Заболотного нормальное состояние человеческого духа — рискнуть собой, чтобы спасти другого. Писатель рассматривает «безоглядную готовность жертвовать собой» во имя другого человека как истинно человеческий дар.

В эстетической концепции советской многонациональной прозы способность героя к самопожертвованию рассматривается как одна из ведущих созидательных функций человеческого разума и чувств, формирующих тип активного, деятельного человека, конденсирующего в себе духовные искания своего беспокойного века, посто-

янно анализирующего свои кровные связи с миром. Урузмаг («Возвращение Урузмага» Н. Джусойты, 1974), Каспот («Алые травы» З. Толгурова, 1974), Та-набай («Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова, 1966) — малограмотные пастухи, но как же глубоко и по-человечески искренне они озабочены судьбами мира, судьбами человечества, как верно и заинтересованно соотносят они проблемы космоса и вечности с земной судьбой реального человека. Именно в 70-х годах судьбы «маленького человека» в литературе мыслятся именно в таком ракурсе, в таких глобальных соотношениях вечного и сиюминутного, бесконечного и конечного, космоса и крохотного пространства человеческой души, — то есть в логическом соотношении ранее несоотносимых понятий. И не случайно в литературе данного десятилетия происходят качественные изменения: характеры героев, как и события реальной жизни, осмысляются в контексте иной, более изначально и естественной действительности — природы. Так ярче выявляется внутренняя масштабность нравственных основ бытия: человечество стало воспринимать себя и мир тоже бесконечно углубленнее и трогательнее, эмоциональнее, заинтересованнее. Отсюда — такое острое ощущение ответственности, правды, справедливости, добра и красоты даже у доживающих свой век неграмотных стариков и старух В. Распутина («Последний срок», 1970; «Прощание с Матерой», 1976), Ч. Айтматова («Прощай, Гульсары!», 1966; «Буранный полустанок», 1980), Н. Джусойты («Возвращение Урузмага», 1974), З. Толгурова («Алые травы», 1974) и др.

Н. Джусойты раскрывает характер сильного духом человека. Задумавшись о своей судьбе и перебирая в памяти все перипетии своей жизни, Урузмаг

вдруг ощутил почти осязаемый страх. Не страх перед неминуемой и скорой смертью: старик понимает, — избежать ее нельзя, хотя чисто по-человечески не может примириться с суровым приговором жизни. Он чувствует страх другого рода: боится стать в тягость людям. Боится быть бесполезным, потому что именно в этом, в бесполезности, старик видит самое большое несчастье для человека, самую его страшную трагедию.

Подобная жизненная позиция героя имеет свое объяснение. Старик всю свою сознательную жизнь привык быть необходимым окружающим его людям, был нравственной опорой всем и каждому. Сильны и по-человечески нерасторжимы были духовные связи Урузмага с миром людей, с действительностью. Это с невыразимой душевной болью ощущает и старший его сын, предвидящий нелегкую участь своего старого, доброго отца. «Сиротливо будет и в нашей деревне, — думает он, — весь наш род считал, что за всех ты думаешь, болееешь, на всех тебя хватало, на все руки был мастер» [2, 23].

Н. Джусойты далек от абстрактных призывов любви к человеку вообще, лишенных практического влияния на общественные связи и реальные человеческие отношения. В столь тягостный и трудный для каждого человека час, — в час смерти, старик думает не только о себе. Он задумывается о явлениях более важных, с его точки зрения, чем его собственная личная жизнь. Психологически убедительно раскрыта удивительная, почти детская, осязаемая радость и гордость, которые охватывают душу Урузмага от сознания своей принадлежности к человеческому роду. Людей на земле, думает он, что в твоём муравейнике муравьев. Но я человек, а не муравей. Человек не может и не хочет быть муравьем, — уве-

рен старик, — это ему было бы обидно даже слышать. И живет человек, чтобы доказать, самому себе прежде всего доказать, что он не муравей. Это сознание руководит его мыслями, поступками, а вовсе не страх смерти. Уверенность его в данной истине настолько сильна, что он не желает унижить человека ложью, неправдой: уходя из больницы, не хочет прощаться с профессором, чтобы не заставить его лгать, утешать себя. И еще существует другой, не менее важный, мотив его не совсем деликатного поступка: ему самому больно и стыдно выслушивать слова утешения.

Характер героя органично вписывается в свою эпоху.

Активная жизненная позиция Урузмага проявляется не только в участии в жизни села, но и в трогательной заботе о других. Она, эта забота, как раз и приобщает его к миру людей, к людским судьбам, к обществу и его гуманистическим целям, несомненно более широким и масштабным, чем личные. Писатель воценке человека руководствуется непреложными нормами подлинного гуманизма, воспринятыми им в качестве абсолютной истины: убежденность в великой ценности человека, уважение в нем личности, — оригинальной, неповторимой, требовательность к нему, борьба за него, исследование мотивов соблюдения им нравственных принципов человеческого общежития.

Горцы испокон веков жили в тяжелых условиях, и это обстоятельство научило их довольствоваться малым, в то же время сформировало строгий кодекс горской чести, утверждающий общечеловеческие начала жизни, моральные ценности: добро, справедливость, товарищество, взаимопомощь, — ценностные установки, призванные умножить нравственные силы человека в трудный для него час. Но общее и

частное взаимно обогащают друг друга.

Все сказанное справедливо и в отношении характера Урузмага. Можно подчеркнуть, что существует еще и другой источник нравственной силы старика — его оптимизм, жизнелюбие. Пока, говорит он себе, «нечего нос вешать... Два месяца — тоже срок, и прожить их надо по-людски... Седьмой десяток доживаешь, но сраму не имел, так и эти два месяца по-людски «износить» надо... Так-то, старик, и хватит, и нечего себя жалеть...» [2,17].

Урузмаг сознает, что жизнь его легкой не назовешь. «Но это моя жизнь, моя судьба, и я не проклинаю ее... Я жил по-людски, и в моей жизни, как и во всякой, были не только беды и несчастья. Да, я работал так, что кости трещали, но я был сильный человек, но мне было в охотку махать косой... Трудные у меня были дни, но ведь были и праздники. И как мне ни было трудно, я редко плакал, чаще пел» [2,73].

Безмерно счастлив старик, что пел для себя, для своей деревни, для своей земли, для всего мира вокруг. Хорошо оставить после себя, думает он, дорогу, как звездный след, ведь земля, по его твердому убеждению, не любит, когда каждый ее «зазря топчет», траве расти не дает. Мысль писателя сливается как бы воедино с мыслями его героя: если зря человек топчет землю, то посленего обязательно зарастают человеческие пути-дорожки, а что может быть горше и безутешнее?

После долгих раздумий старик, изображенный Н. Джусойты, приходит к важному выводу о том, что, пожалуй, нет глупой жизни и глупых людей. Есть только глупо, безрадостно живущие люди. И не себя, умирающего, жаль ему, а таких людей: что они понимают и видели в жизни, если не ощутили радости, которую она дает? Сам же Урузмаг,

смирившись со своей обреченностью, осознает привычную до боли, радостную прелесть бытия. Оно, это осознание, приводит его к мысли: как ни трудна и невыносима порой жизнь, нет ничего лучше ее. Поэтому все может осилить человек, кроме самой горькой беды — разлуки с жизнью.

Писатель постепенно раскрывает процесс возрастания меры человечности во взаимоотношениях героя с окружающим миром. Гуманизм как нравственный принцип определяет поведение героя в его отношениях к жизни, к людям. Рождает и утверждает новый характер отношений, сформированных в духе единства уважения и требовательности к человеку, трогательной заботы и веры в его неисчерпаемые силы.

Осетинская повесть 70-х годов XX века верна определенной исходной позиции: в «организации» характера во многом ориентируется на принцип соотносительности литературного характера с народным, эпическим идеалом. Уже самим именем своего героя Н. Джусойты как бы проводит аналогию между ним и предводителем нартов Урузмагом — самым замечательным и мудрым из эпических героев. Старик Урузмаг соотносится с эпическим нартом также и на более глубинном уровне. Так, герой изображенный в один из трагических моментов своей нелегкой жизни, — перед смертью, — придя к выводу, что лучше умереть, чем быть в тягость людям, вспоминает именно своего тезку, нарта Урузмага, и вспоминает его не только вследствие схожести сложившихся ситуаций (состарившийся эпический Урузмаг тоже не захотел быть в тягость нартам и, предпочел смерть). Старик поразился тому, что эпический герой сумел так внезапно и так по-человечески тепло, естественно прикоснуться к его земной судьбе, — заставил

искать мужество в самом себе, и от этого предстал перед ним как бы живым, реальным человеком, «горе которого может тронуть сердце, удаче которого можно обрадоваться по-земному, по-людски...» [2, 79].

Старость и немощь победили удальца-нарта, и тогда решил он уйти из этого мира, уплыть по реке в наглухо закрытом гробу. Но «как же он вынес эту муку?», — мыслит вполне искренне старик о нарте Урузмаге как о себе подобном. Желая достойно выдержать последнее и, пожалуй, самое страшное испытание — испытание смертью, герой обращается с мольбой к своему эпическому тезке, призывая «выручить» его, старика, дать ему силы и мужества и тот великодушно «помогает» ему своим личным примером, бескомпромиссностью, отвагой, жизнелюбием, — самим своим героическим и вместе с тем таким «земным» бытием.

Итак, что делать в оставшиеся два месяца? Жить без всяких забот? Не хочет мириться с такой перспективой старик, всю жизнь по уши в заботах был, а теперь — гуляй? А на что ему такая жизнь? Итак в больнице от безделья душа утомилась. Нет, скоро сенокосная пора, так старый Урузмаг покажет всем, как косою махать умеет! — от этой мысли он даже повеселел. Но не желанием как-то и чем-то заполнить остаток дней продиктовано решение Урузмага, а глубокой и искренней привязанностью к жизни, к миру, к людям.

Как бы не менялись представления о человеке и сам человек, общечеловеческая сущность характера, его гуманистическая направленность — величина постоянная: утверждение добра и справедливости, отрицание зла, в какой бы форме они не выступали, какой бы облик не принимали. Человеку надо помнить, что он смертен, резюмирует Н.

Джусойты, это поможет ему правильно жить. По его глубокому убеждению, человек в жизни должен быть активным: жить, а не быть посторонним наблюдателем — принцип, которого придерживался всю жизнь Урузмаг. Надо быть также полезным человеком. Только благодаря такому подходу к жизни у героя сформировались ценностные ориентации, соответствующие морали его общества.

Диалектика общественного сознания, эволюция традиционных черт национальной психологии отражает меняющийся характер связей героя и действительности. Обуславливает возможность воздействия человека на исторический процесс: развившееся общественное сознание определяет характер потребностей и интересов отдельной личности. Те интеллектуальные и нравственные силы, которые прежде «дремали» в человеке, ныне воплотились в новизне и богатстве его внутренней, духовной, эмоциональной жизни, в деяниях, в новом мировосприятии, которое и отражает осетинская повесть. Н. Джусойты трактует гуманизм как силу, формирующую духовную целостность человека, его внутреннюю гармонию, нравственную прочность и надежность. «Мы, люди, смертны, — мыслит Урузмаг, — и потому особенно должны любить жизнь. Иначе, кто станет, думая только о своем смертном часе, пахать и сеять, любить женщин, качать в колыбели детей, строить дома, слагать песни...». Писатель утверждает активный, действенный гуманизм, суть которого как важнейшего принципа бытия, четко и ясно определяет нравственные аспекты взаимосвязи человека и мира: человек — обществу, общество — человеку. В отношениях же между людьми он проявляется в умении подойти к человеку, поддержать в нем веру в себя, в свои силы и возможности.

Жизнь ставит одни и те же (и очень тяжелые) испытания для Урузмага и Хиуа, соседа старика по больничной палате. Они оба неизлечимо больны, но по-разному ведут себя перед лицом смерти. В глазах Хиуа засел страх смерти, который нещадно пожирал душу и тело старого человека, страх, оказавшийся для него непосильным бременем. Это, по существу, живой труп, связи которого с миром почти атрофировались. Жизненная же установка Урузмага: «держишься, старик!» — помогает ему до конца выстоять. Подобное отношение к жизни — закономерный итог формирования характера Урузмага, продиктованного психологией человека-труженика. Писатель уделяет большое внимание роли объективных обстоятельств в трактовке характера героя. Будучи всю жизнь пастухом, «козьим начальником», как он сам себя в шутку называет, старик ни волка, ни людей, ни тяжелой работы не боялся, а если и боялся, то все равно «спину не показывал, убежать со страху стыдился» [2, 13].

И не потому, что храбрый, все одинаковы под солнцем, всем жизнь одинаково дорога. Называя про себя Хиуа «пустым бурдюком», Урузмаг осуждает его: «напугался смерти и злой стал, себя жалеет, а до других ему дела нет, будто в его беде кто виноват» [2, 7].

Время по-своему отражается в характерах людей, в их мироощущении. Проблемы, выдвигаемые реальной жизнью, усиливают ответственность каждого человека, и литература чутко улавливает эти тенденции. Она показывает, как жизнь заставляет человека думать, искать, волноваться, страдать; как каждый стремится найти верный ответ на интересующие его вопросы, единственно верную свою «дорогу».

В сознании героя идут два процесса: осмысление мира и постижение собственного бытия, причем происходят одновременно, взаимосвязанно. Сами по себе они свидетельствуют о неисчерпаемости интеллектуального и нравственного совершенствования человека, неистребимости его духа, активности мысли. Уровень осмысления мира и постижения героем собственного бытия выражает качественную конкретность соотношения в его характере общего и особенного. Анализ этих соотношений позволяет определить, как выражается при этом национальное и общечеловеческое в характере. Духовная жизнь нации концентрированно проявляется в общечеловеческом содержании характера героя, в его поведении, мировосприятии. Человек всегда выбирает между добром и злом, правдой и ложью. Выбирает, во имя чего и как жить, к чему стремиться. Поэтому каждый поступок человека расценивается в конкретных социально-исторических обстоятельствах и в контексте всей нравственной системы общечеловеческих ценностей. Ибо только в таком контексте поступок приобретает этический смысл. Размышляя о взаимосвязях человека и мира, Н. Джусойты приходит к выводу, занимающему основное место в художественной концепции повести: благо людей зависит от каждого человека. Этот вывод порождает и другой: благо всех предполагает благо и счастье отдельной личности.

Цельность нравственного мира Урузмага проявляется и в его восприятии красоты, к которой он до конца своих дней удивительно чуток. Возвращаясь из больницы домой, Урузмаг едет мимо незнакомых, чужих сел, но красоты их он не замечает, поскольку никого из людей здесь старик не знает.

Дело в том, что красоту вне человеческих связей Урузмаг не понимает, вернее, не принимает. Он может ее видеть, но не может любить: он не связан с ней «по-людски». В конце пути, встретив безногого инвалида Тоду, своего односельчанина, герой испытывает большую радость: приятно ему быть с ним, ощущать, что оба они связаны чем-то большим, гораздо важным, чем просто кровное родство. Чувство радости настолько сильно, что старику кажется, будто вернулась к нему давняя, почти детская вера во всеобщую доброту людей, зверей, леса и травы. Связь этического и эстетического в художественной концепции Н. Джусойты углубляет понятие гуманизма. Писателя волнует проблема взаимообусловленности истины и красоты, которая в трактовке писателя получает новое содержание. Высшая степень человечности, как и красоты, определяется как «добро», рождающееся во взаимосвязях человека и мира, человека и его времени. Художественно-философская концепция Джусойты подчеркивает три изначальных, генетических аспекта активного человеческого отношения к миру: мудрость, добро, красоту. Писатель постоянно акцентирует эти начала, их активно-созидательное, творческое содержание. Он представляет человеческую историю как историю становления человечности.

Каковы же реальные критерии добра и человечности в концепции писателя? Они конкретны и жизненны. Во-первых, это — мера понимания героем задач своей эпохи; во-вторых, — степень личного участия героя в утверждении позиций добра, красоты и истины. Кровная связь Урузмага с миром обуславливает глубину и свежесть его чувств. «Видел бы Хиуа, — думает он, — когда-нибудь Пастушью чинару,

только крыльев ей не хватает. Она же как орлица перед тем, как кинуться со скалы» [2,7].

Старик сохранил чистоту своих детских представлений о родной земле. Целостность и беспредельность мира, неразрывность жизни в представлении мальчика Урузмага выражалась в наивной вере в то, что Пастушья чинара — священное дерево, и что в его дупле обитает горный дух. Состарившийся Урузмаг не переставал так думать, только в его представлении теперь дух его гор живет в каждом листочке, в каждой веточке дерева, в каждом родничке в горах. И потому они для него все священные. Более того, уверен он: доброжелательно настроены к человеку. «Нет, не в обиду на меня горный дух, и Пастушья чинара в дождь... держит надо мной свою ладонь и в обиду не дает...» [2, 5].

Постоянно ощущает старик простую человеческую привязанность к своей земле. «Что в нем, в этом деревянном домике, или в этой деревне, в этом клочке земли, а душа на привязи у них и никуда от них не денешься» [2, 40], — размышляет он. Но мысли героя на своей земле не замыкаются. Будет ли счастлив человек, если оторвется, отойдет от земли, — думает Урузмаг, — изменится ли его судьба? Старик не уверен, что отрыв от родной почвы сделает человека более счастливым, благоприятно изменит его судьбу. Ведь, по его глубокому убеждению, счастье человека как раз в его неразрывных связях с миром, с землей...

Диалектика общего и особенного выражается в том, что неграмотный горец, пастух Урузмаг, давно уже привык думать по-новому, воспринимать свою судьбу в соответствии с судьбами народа и мира. Стал типичным и само собой разумеющимся образ мышления

Урузмага. А оно, его мышление, охватывает и проблему человеческой совести, и проблему ответственности перед всей землей. Какая она, человеческая совесть? — не раз задумывается старик и решает: она, как кровь, одна. Не бывает ни городской, ни деревенской, ни ученой, ни неграмотной совести. Есть — так при тебе, нет, — так в долг не возьмешь, как спички. От нее-то, от совести, и зависит мера человеческой ответственности. Солнце выше всех. Под ним земля и люди... Большая ответственность лежит на нас: как-то мы сумеем определить мироустройство на этой огромной земле? Как сумеем подчинить свои человеческие желания и стремления логике общечеловеческой жизни? Ведь в конечном итоге от этого зависит, будут ли счастливы люди, каждый из людей...

Писатель постоянно выдвигает проблемную, жизненную концепцию, за которой угадываются его напряженные художественные и философско-этические искания, внутренняя масштабность мысли и чувств, стремление целостно осмыслить действительность, тенденции и логику народного мироощущения. Проблемность в изображении характера позволяет Н. Джусойты раскрыть смысл жизни в ее диалектической изменчивости, художественно передать социальные и нравственные сдвиги в сфере народного бытия, глубоко исследовать духовные возможности человека. Проблемность предопределяет также философичность, да и сама художественность его повествования. Философичность как глубинный план характера, как первооснова образа буквально присутствует в самом «методе» писательского мышления, в своеобразии освоения им жизненного материала, в трактовке художественного образа.

Н. Джусойты активно использует в раскрытии характера метафоричность, романтически-условную символику, притчи, сны, вплетает в ткань повествования сказки. Каждое из этих средств обогащает философско-этическую направленность и художественную многомерность характера... Однажды неразумные люди попросили Уастырджи дать им знание о смертном часе. Не хотел этого делать Уастырджи, но люди настаивали, и тогда решил он их проучить: дал им знание смертного часа и на срок жизни одного поколения покинул их. Вернувшись, Уастырджи застал страшное запустение и разорение на земле, люди опустились, не было среди них ни мудрых, ни сильных, ни добрых. Люди перестали пахать и сеять, любить женщин, качать в колыбели детей, слагать песни, строить дома... И тогда сами люди стали умолять Уастырджи отнять у них знание смертного часа, вернуть им радость жизни...

Философичность повести подчеркнута и прямым «вхождением» голоса писателя в ткань повествования, — в его авторском слове: «человек своим добром обязан поделиться со всеми людьми... поделить все поровну — хлеб и сказку, песню и горсть черники» [2, 138].

Противоречивы человеческие деяния: иногда даже трудно разобраться в сложном характере человеческого поступка, да и как понять, как определить нравственную меру содеянного, пережитого, где, в чем искать объективные критерии? В мире социальных эмоций человека? В сфере его духовности? Многие писатели создают, как мы уже заметили, образы стариков и старух, вплотную пришедших к завершающему их жизненный путь рубежу, — они выражают глубины народной мудрости, народного мировоззрения. С высоты

их жизненного и духовного опыта легче осудить нравственное уродство, легче постичь и разоблачить антигуманизм, в каком бы обличьи он не выступал. И в этом смысле характеры стариков выполняют важную философскую и этическую функцию в современной прозе.

Несколько иную трактовку предложил Ч. Айтматов: старик Момун («Белый пароход», 1970) уступил Орозкулу, терпел зло (правда, во имя дочери) и в конце концов сам совершил зло. В качестве судьи выступил Мальчик, явившийся носителем идеи активности добра. Такая трактовка, естественно, тоже имеет право на существование. Старики сильны опытом, душа же ребенка, сознание которого еще не отягощено жизненными впечатлениями, удивительно чутка к малейшему проявлению зла и несправедливости, и значит, в чем-то, может быть, дети имеют не меньшее моральное право осудить зло и вынести свой приговор человеческим деяниям. Поставив Момуна и Мальчика в такое соотношение, писатель развивает концепцию гуманизма, утверждаемую многонациональной прозой. По его мнению, в позиции старика с самого начала была ложная посылка: мало не только самому не творить зло, но надо пресекать и самый его корень (вывод, к которому, кстати, через драматические духовные искания пришел также Дато Туташхиа из одноименного романа Ч. Амирэджиби), — иначе сам когда-нибудь совершишь зло: остановиться на полпути здесь невозможно. Отсюда и высшая «духовная тревога» (Т. Манн), постоянное внутреннее беспокойство, роднящее таких разных героев, как старухи В. Распутина, Танабай, буранный Едигей, Кирилл Заболотный, Дато Туташхиа, Бачана Рамишвили, старик Урузмаг и другие. Через всевозможные

испытания судьбы герои движутся навстречу правде, добру, справедливости, утверждая свою, истинно человеческую природу. Она, эта высшая тревога духа, превращает планету Земля в жилище человека, в его частный дом, независимо от того, живет он в горной деревушке, на буранном полустанке или на участке земли, который вскоре будет затоплен.

Легко просматривается также внутреннее духовное родство между Урузмагом и другим горцем, стариком Каспотом, героем повести З. Толгурова «Алые травы» (1974): идеал честной, искренней жизни, единственно достойной человека, ими не утрачивается ни при каких обстоятельствах. Это родство обусловлено тем, что герои внутренне, психологически, эмоционально «слиты» со своей эпохой, с социальной действительностью. Они современны и духовно многогранны.

Повесть строится на воспоминаниях. Один из главных героев, Азретали, приезжает на горную поляну с маленьким сыном и вспоминает о том, что в годы войны, когда он был таким же маленьким, как его сын сейчас, здесь на поляне произошла настоящая трагедия. Каспот с шестью сыновьями спасал колхозное стадо от фашистов. Сыновья были разных возрастов: самый старший — Канамат, командир Красной Армии, по случаю тяжелого ранения получивший отпуск, и самый младший — Азретали. Наткнувшись на фашистов, которых вел по горным тропам предатель Мусабий, братья с отцом приняли бой, хотя могли и скрыться. Но тогда фашисты ударили бы в тыл партизанам (Мусабий хорошо знал каждую тропку в горах!). Четырех из шести сыновей похоронил после боя Каспот, теперь на этой поляне выросла и пятая могила: недавно умер сам Кас-

пот, и его похоронили тут же, рядом с сыновьями...

Проблема связи времен решается писателем с точки зрения логической непрерывности жизни, целостности мира. Действительность определяет нравственные горизонты и возможности человеческого духа. Индивидуальная судьба неразрывными узами связана с историческими судьбами народа. В этих связях — глубинные истоки духовного самосознания человека.

Типологически общее начало в художественной трактовке характера у каждого из писателей не нивелирует их индивидуального своеобразия. Так, у Н. Джусойты, в отличие от З. Толгурова, преобладают яркие романтические краски. В северокавказской прозе усиление романтических стилистических тенденций связано с возрастом «чувства личности», роли субъективного фактора в духовной жизни. Отсюда и обогащение лирического начала литературы: все активнее и глубже преломляется реальная действительность в чувствах и внутреннем мире героя и автора. Субъективный момент (усиление «чувства личности») дает возможность переосмыслить некоторые художественные средства (внутренний монолог, сны, притчи и т.д.), которые в эпическом стиле повествования использовались несколько в ином качестве. Отсюда глубокий лиризм, поэтичность, которыми Н. Джусойты обогащает эстетику реализма в осетинской литературе. Как было уже сказано, в основе активного человеческого отношения к действительности Н. Джусойты видятся три качества: мудрость, добро, красота, которые в человеке изначальны и естественны. От них он отталкивается, ведя поиски подлинной человечности: подлинной Мудрости, подлинного Добра, подлин-

ной Красоты. Ими и продиктованы стилистические искания писателя. Несмотря на то, что многие советские писатели одинаково активно используют метафоричность, аллегорию, яркую символику, притчи, сказки, предания и т.д., художественное своеобразие и оригинальность их очевидны и каждый раз — поразительны. И дело тут не в том, что осмысливают они разный национальный материал; просто все «атрибуты» романтического стиля для них, как подчеркивает Ч. Айтматов, не самоцель, «а лишь метод мышления, один из способов познания и интерпретации действительности» [3,4].

Романтические тенденции в повести Н. Джусойты проявились в опозитизированном отношении Урузмага к действительности. Он как бы пребывает (ощущает себя) в двух сферах реальности: в реальном бытии и вне его, перед лицом вечности. Эта ситуация тоже порождает возвышенно-романтический «склад» повествования. Использование притчи, сказки тоже романтизирует стиль Н. Джусойты, укрупняет философский и этический план характера. Но своеобразие писательского мышления проявляется в том, что вся нравственная направленность притчи и других «атрибутов» романтического стиля у Н. Джусойты устремлена как бы к современности: они решают важную творческую задачу в авторской художественно-философской концепции — утверждают изначальные и вечные связи человека и мира.

Старика Урузмага роднит с Бачаной Рамишвили («Закон вечности») и героями Ю. Рытхэу («Когда киты уходят») осознание необходимости любви между людьми как формы бытия, как духовного начала, составляющего сущность человека; безграничной веры в эту, истинно человеческую любовь, ко-

торая правит миром. «Люди, полюбите друг друга!» [1, 96], — во сне, увидев кончину солнца, взывает к людям Бачана. «Быть братом другому — это не значит внешне походить на него. Братство в другом... Мы пришли на землю, потому что есть высшее проявление живого — Великая любовь. Она сделала нас людьми... И если вы будете любить друг друга, любить своих братьев, вы всегда будете оставаться людьми... Любовь всесуща...» [4,29], — считают герои Ю.Рытхэу. Встретившись после больницы со своими односельчанами, с которыми связывает Урузмага по-настоящему теплое, человеческое чувство привязанности, старик приходит в удивительно радостное состояние духа, когда в нем просыпается его, почти детская, вера во всеобщую любовь людей, зверей, травы. Здесь романтическая направленность всего повествования служит стремлению вывести нравственную проблематику на уровень вечного и общечеловеческого.

Конечно же, романтические стилевые тенденции в многонациональной прозе не случайны: они отражают мировосприятие человека, его непритворную заботу не только о сиюминутном, сегодняшнем, но и о вечном и общечеловеческом, соответствуют тенденциям укрупнения его мышления.

Что нового вносит в понимание данного типа герой повести З.Толгурова «Алые травы» старик Каспот?

Каспот много размышляет о смысле жизни, о значении человека на земле, он глубоко уверен в том, что человек приходит в этот беспредельный мир, чтобы принести ему радость, умножить красоту: «человек на то и зовется человеком, — говорит он, — чтобы не давать земле лысеть, чтобы помогать новой траве сменять старую» [5,10].

Такой взгляд продиктован жизнен-

ной философией Каспота, его моралью. Ею же обусловлено стремление героя служить своему человеческому долгу. Оно в истоках связано с пониманием Каспота сопряженности прошлого и настоящего, неразрывности и целостности жизненного процесса. Пытаясь разобраться, что же изменило Мусабия, ведущего фашистский отряд в горы, в партизанский тыл, что заставило его стать предателем, Каспот приходит к выводу, очень важному для дальнейшей эволюции его характера. «Или жизнь так уж заведена, — думает он, — что обрывает связь между днем сегодняшним и вчерашним? Да будь ты неладен! Ведь настоящее для человека — как правая его рука, а прошлое — как левая. Порвавший с прошлым подобен безрукому. Нет, жизнь человеческая — что цепь, свисающая над очагом: разъедини хотя бы одно кольцо — и нет цепи, казан не подвесишь... Видно, Мусабий всегда был таким, каков сегодня» [5,51].

Понимание героем неразрывности и целостности жизненного процесса обуславливает логику его поведения, логику его характера. В прошлом Каспот — партизан, активный борец, установивший советскую власть в горах. Много позже, уже на горной поляне, видя приближение фашистского отряда, он даже не задумывается о том, принять или не принять бой: выбор героя продиктован логикой его характера, логикой жизненной философии («горец, который не сможет оградить красоту от насилия, — разве горец?») [5,39]. И он стреляет, уверенный в справедливости своего шага, хотя и «испытывает чувство вины за нарушенный покой этой поляны, ее трав и деревьев, за потревоженную тишину родной земли» [5,44], — ведь он в душе труженик, создатель, мирный человек.

Среди множества проблем, живо

интересующих советскую многонациональную литературу, проблема памяти. Жизнь обесмысливается не неизбежностью смерти, а отсутствием, потерей памяти, — такова одна из главных жизнеутверждающих идей повестей В. Распутина «Последний срок», «Прощание с Матерой», романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок», повести З. Толгурова «Алые травы». «Кто мы, с чем останемся?» — этот вопрос в самые разные моменты своей жизни задают себе и старуха Дарья, и буранный Едигей, и пастух Каспот. И не удивительно, что все они приходят к единой мысли: человек, потерявший связь с прошлым — не человек. Дарья, заметив, что приехавший внук Андрей даже не прошелся по Матере, не пожалел о том, что скоро не будет ее, совершенно искренне пожалела его. Похоронив четырех сыновей после короткого, но тяжкого боя, Каспот рыдает над живым Каракаем, так легко предавшим отца и братьев в столь страшную минуту: он «плакал, проклятая и жалея Каракая. Каракай остался жить, но отныне не будет ему жизни, только позорное существование. Если бы на поляне чернели не четыре, а пять могил, Каспот страдал бы меньше, чем сейчас. Несчастный он отец» [5, 88]. И Дарья, и Каспот глубоко постигли мудрость жизни: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» [6, 158].

Не зря же старик Момун (Ч. Айтматов «Белый пароход») учил внука запомнить имена семерых предков.

«Сильный, красивый, высокий, с громким голосом...», Армагиргин («Когда киты уходят» — Р.Ф.) говорил, что все счастье человека в его силе, в том, что человек может все и ему все дозволено» [4, 75].

Таково же отношение к миру и Орозкула; («Белый пароход» Ч. Айтматова), и Каракая.

Советская многонациональная проза остро ставит проблему самоотверженности, проблему подвига. Литература исследует не только истоки подвига, его сущность, конкретные условия его осуществления, но и пытается решить не менее важный нравственный вопрос: а в чем конкретный смысл подвига? Трое мужчин (каждый самостоятельно и нелегко) принимают решение уйти из жизни, чтобы дать возможность ребенку выжить (Ч. Айтматов «Пегий пес, бегущий краем моря»), даже не будучи уверенными в том, что он спасется, найдет дорогу на желанный берег. Впрочем, вопрос о бессмысленности поступка взрослых — лишний. Здесь главное — в сохранении потенциала добра и человечности. Кроме того, взрослые дали ребенку не только возможность выжить: они приобщили его к великой тайне человеческой кругосвязи. Есть высший нравственный смысл и в том, что сыновья Каспота отдали жизнь за крохотную поляну: она, а вместе с ней и вся родная земля, стала дорожкой людям. Чувство утраты восполняется чувством обретенной человечности, обогащенной доброты.

Сама возможность таких сближений осетинской литературы с литературами, имеющими большую историю, говорит о качественно высоком уровне ее развития, это подтверждается зрелостью создаваемых ею характеров, о которых здесь идет речь. Человек и смысл его жизни во времени, в его эпохе — вот главные истоки этой зрелости. Осетинская литература уделяет пристальное внимание осмыслению проблем человеческого бытия, раскрытию глубинных тайн его нравственной жизни. Проблеме правды, справедливости, добра и зла, человечности и сострадания.

Итак, литература, в частности, осетинская повесть сформировала свои критерии и подходы к оценке человека, свои принципы художественного осмысления личности: понимание ее высокой ценности, уважение и требо-

вательность к ней, утверждение ее позиций в жизни, в системе социальных связей и отношений, дала свою оценку реального вклада в них самого человека, его духовного опыта. Перед нами — новый тип героя.

-
1. Думбадзе Н. Закон вечности. М., 1980.
 2. Джусойты Н. Реки вспять не текут. М., 1981.
 3. Айтматов Ч. Буранный полустанок. М., 1981.
 4. Рытхэу Ю. Когда киты уходят. Л., 1977.
 5. Толгуров З. Алые травы. М., 1975.
 6. Распутин В. Повести. М., 1976.